

Стоило директору Ян произнести эти слова, как Цзинь Чжаохун и Ван Мэйюнь буквально лишились дара речи.

Впрочем, если Цзинь Чжаохун лишь слегка изумилась, то Ван Мэйюнь мгновенно переменялась в лице, помрачнев пуще грозовой тучи.

Пусть Ян была всего лишь председателем Федерации женщин, за ней стояла влиятельная родня, с которой приходилось считаться. Отношения между семьями Хань и Ли давно дали трещину, и если директор Ян действительно усядется за стол в доме заклятых врагов, эти горлопаны наверняка сболтнут лишнего. Тогда у её деверя, капитана Ли Маньфу, могут начаться серьёзные неприятности. Допустить этого Ван Мэйюнь не могла ни в коем случае.

Натянув на лицо фальшивую улыбку, она засуетилась:

— Директор Ян, раз уж вы хотите узнать, как живёт простой народ, так наша изба ничем не хуже! Или мы, по-вашему, не народ вовсе?

Хань Дуй на сей раз проявил редкое благоразумие. Он не стал лезть на рожон, лишь молча и мягко улыбался со стороны. В конце концов, чрезмерное рвение часто выглядит подозрительно и лишь отталкивает людей.

И предчувствие его не обмануло: чем настойчивее Ван Мэйюнь зазывала гостью к себе, тем сильнее директору Ян хотелось пойти именно к Хань. Назойливое гостеприимство Мэйюнь в конце концов заставило вмешаться даже Цзинь Чжаохун, которая принялась мягко её осаживать. Опасаясь вызвать искреннее раздражение начальства, Ван Мэйюнь была вынуждена уступить. На душе у неё скребли кошки, а с лица не сходила натужная, вымученная улыбка.

Глядя на её кислую мину, невестки Чэнь Юэсян и Ду Хунли едва сдерживали ликование. Любая неудача заклятых соперников разливалась в их сердцах сладким бальзамом.

Оживлённо переговариваясь, вся компания покинула старую усадьбу Хань. По дороге Ду Хунли откланялась и свернула к своему дому.

Едва они переступили порог дома Хань Дуя, Чэнь Юэсян засуетилась, так и лучась радушием:

— Директор Ян, вы ведь всё утро на ногах, присядьте, отдохните с дороги, а я вам чайку горячего организую! И скажите на милость, чего бы вам хотелось отведать на обед? Я мигом всё приготовлю!

Директор Ян мягко, но решительно вложила в ладонь Чэнь Юэсян четыре ляна продовольственных талонов и монетку в один мао:

— Товарищ Чэнь, у нас строгие правила: четыре лян талонами и десять фэней деньгами на человека за один приём пищи. Что сами едите, то и мне подавайте, никаких поблажек и излишеств быть не должно.

Юэсян попыталась было отказаться, но Хань Дуй вовремя предостерегающе прищурился, веля матери взять плату. В те годы это называлось «казённым довольствием при постое»: откажись они от талонов, и у директора Ян могли возникнуть серьёзные неприятности по службе из-за обвинений в растрате или нарушении дисциплины.

— Будьте покойны, директор Ян, — с улыбкой вмешался Хань Дуй. — Наша семья испокон веков принадлежит к беднейшему крестьянству. Мы бедны, но честны, и гордимся этим! Так что даже при всём желании никаких изысков накрыть не сможем — не из чего.

Слова юноши пришлись директору Ян по душе, и она одобрительно усмехнулась.

Когда Чэнь Юэсян вела гостей по деревенской улице, за ними увязалась толпа любопытных односельчан. И директор Ян, и Цзинь Чжаохун вели себя на удивление просто: по пути дружелюбно переговаривались с крестьянами, расспрашивали о жите-бытье и о том, как идут дела в бригаде.

Ван Мэйюнь плелась следом. На её губах по-прежнему блуждала улыбка, но любой прохожий без труда разглядел бы, каких нечеловеческих усилий ей стоит эта маска. Оказавшись у ворот усадьбы Хань Дуя, она окончательно растерялась: зайти внутрь казалось выше её сил, но и развернуться и уйти просто так она не решалась.

Заметив её заминку, Чэнь Юэсян проявила великодушие:

— Мэйюнь, ну что ты на пороге застыла? Заходи, посиди с нами.

Будучи женщиной с чувством собственного достоинства, Юэсян понимала, что даже при вечной вражде с семейством Ли приличия следовало соблюдать неукоснительно.

Но такое щедрое приглашение лишь сильнее уязвило Ван Мэйюнь. Потоптавшись во дворе и перекинувшись парой дежурных фраз с директором Ян и Цзинь Чжаохун, она поспешно сослалась на то, что ей пора кормить мужа и детей обедом, и ретировалась.

Гости вошли в дом. Окинув взглядом прибранные комнаты, директор Ян искренне похвалила хозяйку:

— А у вас тут чистота и порядок, товарищ Чэнь! Приятно посмотреть.

И впрямь, усадьба выглядела на редкость опрятно: ни тебе грязных луж во дворе, ни зловонных куч мусора, ни разбросанного повсюду куриного помёта, чем обычно грешили дворы других

общинников.

— Да бросьте вы, какое там, — скромно отмахнулась Чэнь Юэсян, хотя в душе так и расплылась от гордости. — Дети-то выросли, у каждого руки на месте, все за веник хвататься горазды. Девчонки мои — ладно, так ведь и младший, Сяо Жуй, к чистоте приучен. Заглянули бы к нему в комнату — там ни пылинки!

Цзинь Чжаохун с тёплой улыбкой посмотрела на Хань Дуя:

— Сразу видно — грамотный парень, не чета деревенским неучам.

Хань Дуй лишь скромно улыбнулся в ответ на похвалу.

В доме Хань Мэй тут же бросилась заваривать чай, а Хань Чжу вынесла гостям тарелку с жареными семечками. Пока Хань Дуй и Хань Чжу развлекали директора Ян беседой, Чэнь Юэсян со старшей дочерью ушли на кухню хлопотать у плиты.

Немного побеседовав с начальством, Цзинь Чжаохун тоже засобиравлась домой — она жила в соседнем Седьмом отряде. Раньше её звали Цзинь Чжаоди — «призови младшего брата», — но стоило ей выбиться в председатели Федерации женщин бригады, как она тут же сменила нелепое крестьянское имя на звучное «Чжаохун» — «призывающая красный цвет».

Перед уходом она заглянула на кухню и негромко наставила Чэнь Юэсян:

— Юэсян, ты смотри, готовь самое простое, что обычно на стол собираешь. Никакого баловства! Директор Ян шутить не любит, женщина она строгих правил и принципов.

— Да-да, председатель Цзинь, всё сделаю как надо, не сомневайтесь, — закивала Чэнь Юэсян.

Говоря это, Цзинь Чжаохун успела наметанным глазом оценить обстановку на кухне: закопчённые стены были чисто выбелены, утварь расставлена по местам, а сами хозяйки выглядели аккуратными и опрятными. «Что бы они ни подали, за чистоту блюд можно не переживать», — подумала она с облегчением.

Обменявшись ещё парой незначительных фраз, гостя ушла. Чэнь Юэсян проводила её до ворот. Не успела она развернуться, как на дорожке показалась её невестка Ду Хунли, бережно несущая на дощечке кусок свиного сала и свежий брусок соевого творога.

— Сестрица Юэсян! — заговорщически прошептала Ду Хунли, сияя от уха до уха. — Хоть директор Ян и твердит про отсутствие излишеств, негоже гостью одной пустой травой кормить, позору не оберёшься! Возьми-ка вот это, как раз к столу славное блюдо выйдет.

Чэнь Юэсян от удивления даже руками всплеснула, а затем смущённо запричитала:

— Ой, сестрица Ду, ну к чему это? Мне прямо неловко перед тобой, опять ты тратишься ради нас!

— Да брось ты, чай не чужие люди! — отмахнулась та с добродушной усмешкой. — Свои же, сочтёмся. Давай, беги на кухню, не буду тебя отвлекать.

Юэсян попыталась было затащить родственницу в дом на обед, но та после секундного колебания отказалась:

— Ой, нет, у меня дома свои мужики голодные сидят, кормить надо. Ты давай иди к директору Ян, развлекай гостью как следует.

Вернувшись на кухню, Чэнь Юэсян так и засияла от гордости и тотчас же зашептала дочери:

— Мэйцзы, а ну-ка угадай, кто нам это богатство принёс?

Хань Мэй честно покачала головой.

— Старшая тётушка твоя подсобила! — торжествующе объявила Чэнь Юэсян. — Батюшки мои, за все двадцать лет, что я в этой семье замужем, мы от неё столько добра не видели, сколько за последние два дня получили!

Хань Мэй лишь тихонько рассмеялась, прикрыв рот ладошкой.

Обе женщины за делом не дремали. Не прошло и получаса, как на столе уже выстроилась вереница дымящихся тарелок: румяные лепёшки с зелёным луком, нежное яйцо с душистым джусаем, тушёная на свином жире редька, сытное рагу из стручковой фасоли и баклажанов, хрустящая капуста в кисло-сладком соусе, сочный салат из диких трав и лёгкий суп. Обед получился простым, без запретных деликатесов, но невероятно аппетитным.

Только семейство собралось взяться за палочки, как у калитки замаячила Ван Мэйюнь с корзиной в руках. На её лице сияла заискивающая улыбка:

— Юэсян, дорогая! Я тут подумала — давайте-ка объединим наши столы! Вместе ведь и веселее, да и сытнее будет, правда?

Чэнь Юэсян прекрасно понимала, откуда дует ветер.

«Да уж, "пообедать вместе" она решила... Трясётся небось, как осиновый лист, боится, что мы

всю правду директору Ян выложим!»

Однако вслух она благодушно произнесла:

— Ну коли пришла, не гнать же тебя взащей. Проходи, присаживайся.

Директор Ян удивлённо приподняла брови при виде незваной гостьи с узелком еды, но смолчала. Ван Мэйюнь тем временем суетливо выставляла своё угощение на стол: две тарелки тушёных овощей, ароматный свиной балык с чесночными стрелками и пышные белые пампушки на пару.

За обедом Хань Дуй и его мать взяли на себя роль гостеприимных хозяев, развлекая гостью светской беседой. Глава семейства, старина Хань Дахуа, лишь усердно работал палочками, набивая рот рисом и помалкивая, а девчонки вставляли слово-другое лишь изредка. Ван Мэйюнь сидела как на иголках, непрестанно сканируя взглядом каждого члена семьи Хань и ловя каждое их слово, готовая в любой миг перехватить опасную тему. Несмотря на это напряжение, внешне застолье протекало на редкость благожелательно.

Однако незаметно разговор свернул на скользкую тропу — речь зашла о трудоустройстве Хань Дуя.

— Сяо Хань, — как бы невзначай поинтересовалась директор Ян, отправляя в рот кусочек капусты, — я припоминаю, что вашей бригаде недавно выделяли квоту на заводское производство. Твоё образование и происхождение подходят идеально, почему же ты не подал заявку?

У Ван Мэйюнь внутри всё похолодело. Спина её мгновенно покрылась испариной, ведь заветную путёвку в городскую жизнь всеми правдами и неправдами прибрала к рукам их семейка Ли!

Глаза Чэнь Юэсян победно сверкнули — вот он, идеальный момент, чтобы свести старые счёты и уязвить змеюку прямо в сердце! Но едва она открыла рот, Хань Дуй бросил на неё предостерегающий взгляд, заставив мать прикусить язык.

Юноша на мгновение задумался, придав лицу выражение глубокой искренности, и заговорил:

— Вы правы, директор Ян. Я действительно подходил по всем критериям, да и на самом предприятии мою кандидатуру одобряли... Но моя душа лежит к другому.

— Вот как? — искренне удивилась директор Ян. — Неужто работа на заводе тебя не прельщает? И чем же ты мечтаешь заниматься?

Хань Дуй гордо выпрямил спину и произнёс с пафосом истинного комсомольца:

— Мои предки на девять поколений назад — беднейшие крестьяне. Родная земля вскормила меня, и мой долг — остаться здесь, чтобы помочь родному краю преодолеть вековую отсталость. Директор Ян, посмотрите на городских юношей и девушек: они бросают тёплые квартиры и едут в глушь строить социалистическую деревню! Так могу ли я, плоть от плоти здешнего крестьянства, помышлять лишь о собственном побеге в город? Нет, я твёрдо решил следовать заветам великого Лэй Фэна: «Посвятить свою короткую жизнь безграничному служению народу!»

Глаза директора Ян потеплели, она смотрела на юношу с нескрываемым восхищением:

— Товарищ Сяо Хань, у тебя чистая душа и золотое сердце! Какая высокая идейность, какая политическая зрелость! Побольше бы нам такой молодёжи.

Повернувшись к онемевшим от удивления супругам Хань, она добавила:

— Товарищ Хань, сестра Чэнь, низкий вам поклон за воспитание детей. Что старшая дочь ваша, Мэйцзы, что Сяо Хань — настоящая опора партии!

Супруги ошарашенно переглянулись, после чего Чэнь Юэсян поспешно забормотала слова смиренной благодарности, стараясь не выказать своего крайнего изумления.

Ван Мэйюнь наконец перевела дух.

«Надо же, трусили... Что ж, тем лучше для них»

Стоило ей об этом подумать, как она наткнулась на взгляд Хань Дуя. Парень широко улыбнулся, показав ровные белые зубы, и ласково спросил:

— Тётушка Ван, а капитан Ли сегодня у себя? Хотел заглянуть к нему по одному дельцу.

Внутри у Ван Мэйюнь противно заныло — улыбка парня показалась ей чересчур плотоядной, словно у волка, предвкушающего добычу. Что ещё затеял этот шельмец? Впрочем, поразмыслив, она успокоила себя: «Да что этот сопляк зелёный может сделать? Мой деверь, капитан Ли Маньфу, и не таких на чистую воду выводил, зубы об него обломает!» С этой мыслью она беззаботно махнула рукой:

— Да, должен быть дома. Зайди, зайди к нему, поспрашай.

Время поджимало, у директора Ян впереди было ещё много дел по всей коммуне. Едва завершив трапезу, она по-дружески поболтала с Хань Мэй о женских заботах, поблагодарила за радушный приём и поднялась из-за стола.

Всё семейство Хань высыпало на крыльцо провожать дорогую гостью. Ван Мэйюнь, под благовидным предлогом доклада о положении дел в бригаде, липким клеем прицепилась к боку директора Ян, не отходя от неё ни на шаг.

Стоило гостям скрыться за поворотом, как Чэнь Юэсян с досадой прикрикнула на сына:

— Сяо Жуй, ну почему ты мне рот заткнул? Такой случай упустили! Сама директор Ян спросила — надо было выложить ей, как семейка Ли ворует наши квоты!

Хань Дуй лишь снисходительно усмехнулся:

— Матушка, помилуй, с чего бы директору Ян из-за нас ввязываться в местную грызню? Мы ей никто, толку от твоих слёз было бы с гулькин нос. Пойми: компромат силен лишь тогда, когда он лежит у тебя в кармане и ждёт своего часа. Давить на врага нужно тонко, разыгрывая карты по очереди. Зачем устраивать пустой шум, если можно обменять этот козырь на реальную выгоду?

— Выгоду? С Ли Маньфу?! — Чэнь Юэсян презрительно фыркнула. — Да эта банда живождёров кости людские гложет и осколков не выплевывает! С чего это они вдруг расщедрятся ради тебя?

Хань Дуй заговорщически подмигнул матери:

— Мама, доверься мне. Наберись терпения и жди хороших новостей. Пойду-ка я навещу нашего достопочтенного капитана Ли Маньфу. Нам есть о чём потолковать с глазу на глаз.

Лицо Чэнь Юэсян тревожно вытянулось, она испуганно схватила его за рукав:

— С ума сошёл! Один к этому волку в логово сунешься? И думать не смей! Возьми отца, позови братьев, кузена Тэцзы кликни — толпой идти надо!

— Ну матушка, к чему эта рать? — рассмеялся парень, мягко высвобождая руку. — Я ведь иду вести цивилизованный диалог, а не кулаками махать. Лишние свидетели только испортят интимность момента.

— Но о чём тебе с ним разговаривать? У нас с этой сволочью сроду общих дел не бывало!

Хань Дуй ласково похлопал мать по плечу:

— Просто верь своему сыну. Если мне нужно развязать Ли Маньфу язык, уж поверь — он запоем как миленький.

Набросив куртку, Хань Дуй бодрым шагом покинул усадьбу и направился напрямик к конторе производственного отряда.

<http://bllate.org/book/19655/1955972>